

Абдулхаков Рамис Рафилевич

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
МУСЫ ДЖАРУЛЛАХА БИГИЕВА**

**10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань – 2007

Работа выполнена на кафедре методики преподавания татарского языка и литературы Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Юсупов Феритс Юсупович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гарифуллин Васил Загитович

кандидат филологических наук, доцент
Закиров Раиф Амирянович

Ведущая организация: Институт языка, литературы и искусства
Им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ

Защита состоится 17 мая 2007г. в---часов на заседании диссертационного Совета Д 212. 081. 12 в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп.2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Ученый секретарь диссертационного Совета,
Доктор филологических наук, профессор

Д.Ф. Загидуллина

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Конец XIX – начало XX вв. является определяющим периодом в развитии не только национального самосознания, общественно-эстетической мысли, истории, литературы татарского народа¹, но и знаковым в развитии его литературного языка, так как он являлся переходным «...от старотатарского тюрки к новотатарскому национальному литературному языку², где тесно переплелись веками продолжающиеся письменно-традиционные нормы классического старотатарского языка и общеразговорные формы. Поэтому татарский литературный язык конца XIX – начала XX вв. отличается своей многовариативностью. Революция 1905 года дала возможности для издания многих газет и журналов, актуальным стало определение языка материалов («Нур». – 1905. – № 4). Под термином «язык» подразумевались варианты классического старотатарского литературного языка указанного периода называемые: а) төрки әдәби тел – турецкий литературный язык; 2) жәдиди-госманлы – джадидо-османский вариант, который был близок к языку газеты «Тарджеман»; в) гавами тел – вариант письменного языка, который был обогащен общенародными разговорными формами («Нур». – 1905. - № 4 – 13, 1906. - № 67 и др.)³.

Известные татарские просветители писали специально для татарского читателя и употребляли, в основном, татарские общеразговорные нормы (К.Насыри, Г.Фаизханов, Г.Ильяс, Ф.Халиди, Г.Камал и др.). Некоторые авторы пользовались общеразговорными формами не только татар, но и башкир, казахов (А. Уразаев-Кормаши, М. Акмулла и др.).

Отдельные авторы свои произведения посвящали лишь татарскому читателю и употребляли народно-разговорные формы (публицистика Г.Чокря, повести З.Бигиева, дидактические брошюры Р.Фахретдинова, повести Ф.Карими, рассказы С.Максуди), те же авторы, обращаясь к общетюркскому читателю, пользовались джадидо-османским вариантом (поэтические произведения Г.Чокря, путевые заметки З.Бигиева, Ф.Карими, повести, исторические и религиозные труды Р.Фахрутдинова)³.

В данный период один из вариантов старотатарского литературного языка с преобладающим влиянием огузско-турецкого компонента назывался «татарско-турецким языком», «турецко-османским языком», «языком общетюркской газеты «Тарджеман». Через газету «Тарджеман» ее редактор, общественный деятель И. Гаспринский, проводил концепцию общетюркского литературного языка и предлагал называть его «урта лисан»

---

¹ Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. – 2 том: XIX йөз татар әдәбияты. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. – 212 б.

² Фасеев Ф. С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. /Ф.С. Фасеев. – Казань: Тат.кит.нәшр., 1982. – С.164.

³ Баширова И.Б. Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола: Автореф. дис. ...д-ра. филол. наук / И. Б. Баширова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2000. – С. 11.

³ Там же. – С. 3.

(«средний язык»). Под понятием общетюркского литературного языка подразумевается язык, доступный всем тюркским народам¹.

В результате османо-турецкого влияния в старотатарском литературном языке, начиная с XVIII в. и особенно в конце XIX – начале XX вв., активизируются некоторые, эпизодически появлявшиеся ранее, огузские элементы. Это влияние было обусловлено конкретными социально-историческими предпосылками – активизацией культурно-экономических, а также дипломатических отношений Поволжья с Турцией и Ираном (Азербайджаном)².

Следует отметить, что огузированный вариант старотатарского литературного языка сыграл важную роль в обогащении духовной и культурной жизни не только татар, но и других тюркских народов, помогая распространению просветительских идей.

Просветительское движение в татарской общественной мысли формируется во второй половине XIX века. Ш. Марджани (1818-1889) – яркий представитель этого движения – в своих научных трудах, в особенности в научном произведении «Китабе мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Книга использованных сведений по истории Казани и Булгара»), широко применял арабо-персидский вариант старотатарской письменной традиции, признавая, что старотатарский язык еще недостаточно проработан для передачи абстрактных понятий, столь важных при научном изложении³. Другой ученый–просветитель, историк, богослов и общественный деятель Р. Фахретдинов (1859-1936) в толковании положений шариата и хадисов в произведении «Джавамигуль-калим шархе» («Пояснения глубоких по содержанию хадисов») использовал арабо-персидские заимствования, имевшие в то время широкое распространение, а также тюрко-татарские слова, характерные для процесса исторического развития татарского литературного языка⁴. Рядом с этими именами стоит и имя ученого-богослова Мусы Джаруллаха Бигиева (1875-1949).

Таким образом, актуальность данного исследования определяется отсутствием монографических исследований языка произведений Мусы Бигиева. Исследование текстов произведений Мусы Джаруллаха Бигиева станет первым шагом в изучении синкретизированных вариантов на основе 3 письменных традиций языков: тюрко-татарского, джадидо-османского и арабо-персидского. Этот ученый, в совершенстве владевший арабским

---

¹ Гимадеева Л. И. Историко-лингвистический анализ языка газеты «Терджеман» (1883-1918) И. Гаспринского: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л. И. Гимадеева; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2000. – С. 7.

² Негматуллов М. М. Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: Дис. ...канд. филол. наук / М. М. Негматуллов; ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. – Казань, 1983. – С. 156-157; Хисамова Ф. М. Функционирование старотатарской деловой письменности XVI – XVIII вв. / Ф. М. Хисамова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – С. 35.

³ Юзмухаметов Р. Т. Структура текста и языковые особенности произведения Шигабутдина Марджани («Книга использованных сведений по истории Казани и Булгара»): Дис. ...канд. филол. наук / Р. Т. Юзмухаметов; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2001. – 187 с.

⁴ Камалетдинова Г. А. Принципы перевода хадисов и их лингвистические особенности (на материале «Джавамигуль-калим шархе» Р. Фахретдина): Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Г. А. Камалетдинова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2000. – С. 21.

языком, в своих богословских произведениях преимущественно использовал арабо-персидский вариант. Кроме этого обращался и к тюрко-татарским словам: можно констатировать и то, что произведения Мусы Джаруллаха Бигиева соответствуют образцу концепции среднего языка («урта лисан»), созданной И.Гаспринским.

Научная новизна данной работы состоит в том, что это исследование является первым шагом в изучении произведений ученого-богослова Мусы Бигиева, в частности, исследование произведений, испытавших сильное влияние османо-турецкого языка. В диссертации представлено комплексное исследование графо-фонетических, фонетических (фонологическая интерпретация графики) и морфологических (именные части речи, личные и неличные формы глагола, служебные части речи) особенностей языка произведений. Особое внимание уделяется историко-сопоставительному и сравнительно-типологическому анализу языковых особенностей произведений Мусы Бигиева начала XX века, а также сопоставлению их с фактами современного татарского литературного языка.

Муса Джаруллах Бигиев родился 6 января 1875 года. Образование получил в Казанском медресе Кюльбуге, в Петербургском университете и в богословских центрах Востока, участвовал в работе всех пяти съездов российских мусульман, исполнял обязанности секретаря мусульманского курултая, проходившего в 1906 году в Нижнем Новгороде. В эти годы Муса Бигиев получил известность в России как видный ученый-богослов, публицист и общественный деятель, оставив большое количество сочинений богословского характера. Муса Бигиев скончался 12 ноября 1949 года. Похоронен в столице Египта Каире.

Кроме религиозных трудов он написал большое наследие в области политики, общественных наук и философии. Они издавались и распространялись в Казани, Петербурге, Оренбурге, Стамбуле, Берлине, Бхопале (автономная область в Индии), Бомбее, Каире. Его перу принадлежит около 120 работ и трактатов, он внес свою лепту в создание мусульманского пласта богословской литературы, малая часть которой представлена переводами и толкованиями, а большая часть – оригинальными трактатами. Произведения Мусы Бигиева хранятся в различных библиотеках мира, поэтому собрать их воедино на сегодняшний день представляется трудной задачей.

Однако есть сведения о том, что после смерти ученого около 500 томов книг Мусы Бигиева переданы в «Национальную библиотеку» г. Анкары. Среди них есть и ценные рукописи. Об этом сообщила турецкая газета «Улус» от 21 ноября 1949 года.¹

Часть своих работ Муса Бигиев написал на джадидо-османском варианте старотатарского литературного языка с традиционными арабско-персидскими формами, характерными для богословской литературы. Эти

---

¹ Баттал-Таймас Г. Муса Ярулла Бигиевның тормыш юлы эшчәнлеге вә әсәрләре /Г. Баттал-Таймас. – Казан: Иман, 1997. – 43 б.

работы издавались в Казани, Петербурге и Оренбурге. Некоторые произведения Мусы Бигиева были написаны на арабском языке и издавались в Каире, Бхопале, Бомбее: **«Аль-Джамия аль-исламия аль-‘ильмия»** («Исламский научный университет»). – Бомбей, 1946. – 25 с.; **«Сахифат аль-Фараиз»** («Записки о праве наследования»). – Бхопал, 1944. – 188 с.; **«Аль-Вашиа фи накд’акаид аш-Ши’а»** («Критика шиитских воззрений»). – Каир, 1935. – 290 с.

Цель и основные задачи исследования. Целью данной работы является языковая характеристика произведений Мусы Бигиева. Для достижения поставленной цели намечено решение следующих задач:

- 1) исследование культурно-исторической и языковой ситуации татарского литературного языка конца XIX – начала XX вв.;
- 2) определение места произведений Мусы Бигиева в истории татарского литературного языка;
- 3) описание графо-фонетических и фонетических особенностей, характерных для языка Мусы Бигиева;
- 4) лингвистический анализ грамматических (морфологических) явлений, характерных для языка произведений Мусы Бигиева;
- 5) выявление индивидуально-языковых особенностей трудов Мусы Бигиева.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что она призвана внести вклад в изучение неисследованных произведений Мусы Бигиева. Данная работа дает возможность расширить представление о языковом уровне произведений ученого-богослова Мусы Бигиева. Фактический материал исследования может быть использован при изучении письменного состояния татарского литературного языка конца XIX – начала XX веков, а также приводимые в работе теоретические положения могут представлять научный интерес в плане сравнительного анализа грамматики тюркских языков. Результаты исследования могут использоваться в лекционных и практических занятиях по исторической фонетике, грамматике и истории татарского литературного языка.

Основными источниками исследования послужили следующие произведения Мусы Бигиева:

- 1) **«Рәхмәте илаһийә борһанлары»** («Доказательства божественной милости»), (Оренбург, 1911);
- 2) **«Халык нэзарына берничә мәсьәлә»** («Несколько вопросов вниманию народа»), (Казань, 1912);
- 3) **«Шәригать әсаслары»** («Основы шариата»), (Петроград, 1917).

В произведении **«Рәхмәте илаһийә борһанлары»** говорится о том, что находящиеся в сени божественной милости грешники, в том числе и кяфиры-неверные, не останутся в аду навечно. Предлагая собственное толкование божественного милосердия, охватывающего всех людей на земле, Муса Бигиев разрушил противоречащее духу ислама учение о богоизбранности по этноконфессиональному признаку, подвергнув коренной переоценке смысл таких понятий, как «ислам», «мусульманин», «верующий», заявив, что любой

представитель человеческого рода, действующий во имя социального блага, исполняет божью волю, а потому достоин рая. Подобные мысли высказывались и обсуждались такими видными представителями мусульманских ученых и суфиев средневековья, как Мухутдин ибн аль-Араби (1164-1240), Абу аль-‘Аля аль-Маари (ум. в 1058), Ибн Таймия (1263-1328), Ибн аль-Кайим аль-Джаузия (ум. 1350), Абу Йазид Бистами (ум. в 875), Джунайд Багдади (ум. 910) и Зун-Нун Мисри (ум. в 860(61)). Муса Бигиев, отстаивая свои идеи, обращался к наследию мусульманских ученых и суфиев, которые придерживались трактовки всеохватности божественной милости. Этот труд был издан в 1911 году в Оренбурге в издательстве «Вақыт», в 1933 г. был перепечатан в Берлине.

«Халык нэзарына берничэ мәсьәлә». Данная работа состоит из сборника статей по следующим темам: будущее ислама, связь веры с деяниями, причины упадка исламской цивилизации, переводы Корана, выступление против традиционалистов (ысулчы), попытки определить задачи национальной культуры и чисто лингвистические исследования отдельных моментов татарской грамматики. В конце автор подводит итог нескольким годам своей плодотворной деятельности. Данный труд Мусы Бигиева напечатан в Казани, в издательстве «Умид» в 1912 году.

«Шәригать әсаслары». Как следует из написанного автором предисловия к книге «Шәригать әсаслары», Муса Бигиев встречает с восторгом Февральскую революцию 1917 года. В данной работе он призывает восстановить высокий статус Корана, заветы пророка Мухаммеда, авторитет разума и свободомыслия, затрагивает вопросы основоположения шариата, гарантии прав женщин в общественной жизни, свободу образования. Труд напечатан в типографии М.А. МаксUTOва в 1917 году в Петрограде.

В данных произведениях Муса Бигиев умело использует синкретизированный старотатарский литературный язык на основе 3 вариантов литературного языка: джадидо-османского, тюрко-татарского и традиционного арабо-персидского.

Методической основой исследования данной диссертации являются разработки таких отечественных тюркологов, как Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, А. М. Щербак, Э. Р. Тенишев, Э. Н. Наджип, Д. М. Насилов, Н. З. Гаджиева, Д. Г. Тумашева, М. З. Закиев, В. Х. Хаков, Х. Р. Курбатов, Ф. Ю. Юсупов, И. Б. Баширова, Ф. А. Ганиев, Я. С. Ахметгалеева, Г. Ф. Саттаров.; Ф. М. Хисамова, Ф. С. Хакимзянов, М. М. Негматуллов, А. Х. Алеева, Ф. Ш. Нуриева, Х. Х. Кузьмина, Э. Х. Кадирова, Г. Ф. Губайдуллина, Г. А. Губайдуллина, Р. Ф. Мирхаев, А. Ф. Юсупов и др.¹.

¹ Дмитриев Н. К. Турецкий язык / Н. К. Дмитриев. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 96 с.; Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.; Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.; Тенишев Э. Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных тюркских языков / Э. Р. Тенишев // Советская тюркология. – 1988. - № 1. – С. 67-78.; Наджип Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Э. Н. Наджип; Ин-т народов Азии АН СССР. – Москва, 1965. – 96 с.; Насилов В. М. Древнеуйгурский язык / В. М.

Методы научного исследования. При изучении языковых особенностей Мусы Бигиева используется комплексное применение следующих методов: общелингвистический описательный (тщательное описание языка каждого отдельного текста на уровне графо-фонетики, фонетики и морфологии); сравнительно-исторический (использован при сравнении родственных тюркских языков, представлен в одновременном состоянии и изучении современного татарского литературного языка с точки зрения соотношений между его составными частями, сосуществующими в один период времени с историческим развитием татарского литературного языка в целом как предмета лингвистического исследования); сравнительно-типологический (использован при сравнении неродственных арабских, персидских и татарских языков); функционально-стилистический (использован при выявлении специфики функционирования религиозно-дидактического стиля языковых единиц в произведениях); статистический (использован в изучении количественных показателей османско-турецких, тюрко-татарских и арабско-персидских слов).

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования освещены в выступлениях на итоговых научных конференциях КГУ (2004, 2006), ТГГИ (2004) и Филиала Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина в г. Зеленодольске (2006). По материалам исследования опубликовано семь статей (список в конце автореферата).

Структура и содержание работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Насилов. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 122 с.; Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики / Н. З. Гаджиева. – М.: Наука, 1975. – 293 с.; Тумашева Д. Г. Хэзерге татар әдәби теле морфологиясе / Д. Г. Тумашева. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1964. – 300 б.; Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар / М. З. Закиев. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. – 304 с.; Хаков В. Х. Татар әдәби теле тарихы / В. Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 323 б.; Курбатов Х. Р. Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы / Х. Р. Курбатов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1960. – 132 б.; Юсупов Ф. Ю. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола / Ф. Ю. Юсупов. – Казань: Фэн, 2004. – 592 с.; Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – нач. XX вв.) / Ф. М. Хисамова. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 408 с.; Бәширова И. Б. Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы / И. Б. Бәширова. – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – 576 б.; Ганиев Ф. Ә. Хэзерге татар әдәби теле: сүзъясалышы / Ф. Ә. Ганиев. – Казан: Мәгариф, 2000. – 247 б.; Ахметгалиева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» / Я. С. Ахметгалиева. – М.: Наука, 1979. – 191 с.; Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники волжских булгар и их язык / Ф. С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 101 с.; Негматуллов М. М. Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: Дис. ...канд. филол. наук / М. М. Негматуллов; Ин-т яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. – Казань, 1983. – 223 с.; Алеева А. Х. Путешествие Исмагила ага в Индию / А. Х. Алеева. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1991. – 166 с.; Кадирова Э. Х. Исследование лексики поэм Мухамедьяра (XVI в.) в сравнительно-историческом плане: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Э. Х. Кадирова; Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. – Казань, 1999. – 18 с.; Нуриева Ф. Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф. Ш. Нуриева. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2004. – 376 с.; Губайдуллина Г. Ф. Языковые и стилистические особенности ранней художественной прозы Гаяза Исхаки: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Г. Ф. Губайдуллина; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2001. – 21 с.; Губайдуллина А. Р. Исследование языка «Сәяхетнаме» и эпистолярно-публицистических произведений Фатиха Карими (конец XIX начало XX вв.): Автореф. дис. ...канд. филол. наук / А. Р. Губайдуллина; Казан. гос. ун-т; Ин-т востоковедения. – Казань, 2002. – 22 с.; Мирхаев Р. Ф. Огузско-турецкие элементы в татарском литературном языке конца XIX начала XX веков: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Р. Ф. Мирхаев; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – 26 с.; Юсупов А. Ф. Язык произведений Шамсетдина Заки. Морфология / А. Ф. Юсупов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – 204 с.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, определяются цели и задачи исследования, указываются источники, методология и методы исследования, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения о структуре диссертации и апробации результатов исследования, дается краткая характеристика культурно-исторической и языковой ситуации, сложившейся в Поволжье в конце XIX – начале XX веков, а также приводится краткое ознакомление с жизнью и творчеством Мусы Бигиева.

В первой главе диссертации «Графо-фонетические особенности произведений Мусы Бигиева» рассматривается система графем, обозначающих гласные и согласные языка исследуемых произведений.

1. При проведении графо-фонетического исследования было выявлено, что произведения Мусы Джаруллаха Бигиева основаны на старой письменности (иске имля), где в графике чередуются арабские и уйгурские школы письма.

2. В фонетической системе произведений Мусы Бигиева гласные на письме передаются четырьмя буквами: **ا, ە, و, ى**.

2.1. Графема **ا** (алиф с маддой) в абсолютном начале слова, как правило, передает звук [a] в тюрко-татарских, арабо-персидских и западно-европейских заимствованных словах: **اى** ай “луна”, **اش** аш “пища”, **آلت** алэт “орудие”, “инструмент”, **آسان** асан “легкий”, **آروپا**, Ауропа “Европа”, **آله كساندر** Алэксандр “Александр”.

2.2. Графема **ا** (алиф без мадды) в начале слова используется для передачи как [a], [ə], так и остальных гласных, в частности, [и], [э], [у] в тюрко-татарских словах и арабо-персидских заимствованных словах:

اسلىيە “основной”, “коренной”, **اخيرندهگى** ахырындагы “в конце”, **ادبى** әдәби “литературный”, **اسلام** Ислам, **اسناد** иснад “опора”, **اش** эш “работа”, “дело”, **اميد** умид “надежда” > өмет (тат. лит), **امت** уммәт “община” > өммәт, **اصول** усул “метод” > ысул (тат. лит.).

2.3. Графема **ە** (хай расмия) в середине и в конце слова передает гласные [a], [ə]: **اتلره** анлара “им”, **يولده** йулда “в дороге”, **ييتشه جك** йитешәжәк “достигнет”, **اوزلرينه** үзләренә “самим”, **بويله** буйлә “так”, “таким образом”, **تربيه** тәрбийә “воспитание”, **مدرسه** мәдрәсә “школа”, “медресе”.

2.4. В начальной позиции графема **او** (алиф без мадды + вав) передает звуки [u], [ʏ], [o], [ə]: **اوقوب** уқуб “прочитав”, **اوزگرتوسز** үзгәртүсез “без изменений”, **اوزاق** озақ “долго”, **اوچ** өч “три”; в середине и в конце слова звуки [u], [ʏ] обозначаются графемой **و** (вав): **يا زو چى** йазучы “писатель”, **اوقو** уқу “чтение”, **ايچون** ичүн “для”, **اوگره نو** үгрәнү “заучивание”.

2.5. В начальной позиции звук [и] в текстах передается сочетанием графем **اي** (алиф без мадды + йай): **ايسكى** иске “старый”, **ايرشدى** ирешдә “достиг”, **اي چن د ە** ичиндә “внутри”; в срединной и конечной позициях графема **ى** (йай) используется для передачи звуков [и], [э]: **كيسهك** кисәк “кусочек”, **دليل** дәлил “доказательство”, **توركى** төрки “тюркский”, **مدنى**

мәдәни “культурный”, آغیر ағыр “тяжелый”, چىق ачык “открытый”, نادانلقلىرىنى наданлыкларыны “неведений”.

Кроме того, в текстах произведений наблюдаются вариативные написания:

а) آ (алиф с маддой) и ا (алиф без мадды) в начале слова: آلتونلىرى алтунлары “их золота” ~ التون التون “золота”; آ (алиф с маддой) и ى (йай): آورو پا Ауropa “Европа” ~ ياورو پا Йауропа; графическое колебание ا (алиф без мадды) в середине слова: آيت “стих Корана” ~ آيات айәт.

б) вариативное обозначение звука [ә] при помощи графем ھ (хай расмия) и ا (алиф без мадды) в конце слова зафиксировано в словах русского происхождения: روسيه Русийә “Россия” ~ روسيا;

в) наблюдается вариативное обозначение в написании и опускании графемы و (вав) в середине слова: بوتون бөтөн “весь” ~ بويوك, بويوك ~ بويورمشدر бойормышдыр “повелел” ~ بويورمش, بويوك.

3. Для передачи согласных фонем в текстах произведений использовались следующие буквы арабского алфавита:

غ, ع, ظ, ط, ض, ص, ش, س, ز, ر, ذ, د, خ, ح, ج, ث, ت, ب, ي, و, ه, ن, م, ل, ك, ق, ف.

Кроме того, для передачи специфических согласных татарского и персидского языков автор использует графемы چ, پ и گ. Специфическая графема ڭ употребляется для обозначения глубокого заднеязычного [ŋ], характерного для татарского литературного языка и его диалектов. Для обозначения специфического звонкого согласного [ж], употребляющегося в русском и западно-европейском языках, используется особая графема ڄ, отсутствующая как в арабском, так и в персидском алфавите.

В ряде случаев наблюдается вариативное употребление букв چ и ڄ в тюрко-татарских словах и в формах огузской группы языков: بيلهچك биләчәк “узнает” ~ بيلهچك биләжәк, چى برن беренче “первый” ~ برنجى беренже; ايكين چى икенче “второй” ~ ايكينچى икенже, اول چى улачак “возможный”, “осуществимый” ~ اولاجى улажак.

В целом анализ графо-фонетических особенностей произведений Мусы Джаруллаха Бигиева показал, что в них больше всего используется арабо-персидская традиция письма, а также позволил утверждать и преобладание традиционных тюркских элементов.

Во второй главе диссертации «Фонетические особенности произведений Мусы Бигиева» дается описание системы вокализма и консонантизма, сопоставление звучания современного татарского языка с написаниями в произведениях Мусы Бигиева.

Система вокализма и консонантизма текстов произведений обнаруживает, в основном, сходство с современным татарским языком. Однако в исследуемых текстах наблюдаются особенности, отличающие их от татарского языка. Они сводятся к следующим:

1) подразумевается произношение древнетюркского широкого [ә] вместо узкого [и] в первом слоге: بن бән “я” > мин, سن сән “ты” > син,

бәна “мне” > миңа, سىڭا сәңа “тебе” > сиңа, نه нә “что” > ни, نهقدر нәқадәр “насколько” > никадәр;

2) древнетюркский [y], [ʏ], а также арабский [u] употребляются вместо татарских литературных [ы], [ө], [е], [о]: التون алтун “золото” > алтын, سوقور сукур “слепой” > сукур, آزوق азуқ “пища” > азык, او گرەنو үгрәнү “обучение” > өйрәнү, مەڭگ و мәңгү “вечно” > мәңге, ايز گو изгү “священный” > изге, استاز устаз “наставник” > остаз, امت уммәт “община” > өммәт, اصول усул “метод” > ысул; حقوق хуқуқ “право” > хокук, موراد мурад “цель” > морад;

3) отмечено сохранение древнетюркского [ɣ] вместо татарского литературного [й]: او گرەنو үгрәнү “обучение” > өйрәнү; اوگرەنمە دى үгрәнмәде “не выучил” > өйрәнмәде;

4) в интервокальной позиции сохраняются глухие [k], [kʰ] вместо звонкого [g]: توقز туқыз “девять” > тугыз, آقار ақар “потечет” > агар, ياқار йақар “подожжет” > ягар, يوقارى йуқары “наверху” > югары, چىقوب чықуб “выйдя” > чыгып, سىكز сикез “восемь” > сигез, يىكرمى йекерме “двадцать” > егерме. Для языка произведений характерно сохранение традиционных черт уйгурского языка – применение глухого [kʰ] в интервокальной позиции;

5) следование древнетюркской традиции наблюдается во вставке увулярного звонкого [ɣ] в словах طوغرى туғры “прямой” > туры; اوغللار уғыллар “сыновья” > уллар;

6) в отличие от современного татарского языка, нормативное фонетическое оглушение конца слова в аффиксах деепричастий на -уб; -үб: يازوب йазуб “написав” > язып; الوب алуб “взяв” > алып, ويروب вирүб “отдав” > биреп, اقوب уқуб “прочитав” > укып, برلەشوب берләшүб “объединив” > берләшеп, باشلانوب башлануб “начавшись” > башланып не наблюдается. Данная тенденция обусловлена следованием уйгурской письменной традиции;

7) употребление увулярного звонкого [ɣ] вместо губно-губного [w] татарского литературного языка: آغز ағыз “рот”, آغیر ағыр “тяжелый”, آغرىق ағырлық “трудность”;

8) древнетюркский конечный звонкий [ɣ] употребляется вместо современного татарского губного [u] в словах طاغ тағ “гора” > тау, صاغ сағ “здоровый” > сау, قارەطاغ Каратағ “Черногория” > Каратау. (Древнетюркское конечное написание звонкого [ɣ], что присуще языку уйгуро-караханидских памятников, использовалось и в языке литературных произведений вплоть до конца XIX – начала XX веков);

9) в текстах произведений сохранились древние сочетания -лт; -рл; -рт: يوغالتماشدر йуғалтмамышдыр “не потерянный”, اوغورلانمش уғурланмыш “украден”, قورتارمىق қортармақ “спасать”.

Следование огузско-турецкой традиции у автора отражается в следующем:

1) звонкий губно-губной, смычный, взрывной [b] используется вместо губно-губного сонанта [m] татарского языка: بن бән “я” > мин, بىڭ биң

“тысяча” > мең, **بندی** бенде “поднялся” > менде; **بونی** буны “этого” > моны, **بوندن** бундан “от этого” > моннан;

2) в отличие от литературного языка, в слове бул “быть” в начальной позиции звонкий [б] не употребляется: **اولدی** улды “стало” > булды, **اولماз** улмаз “не будет” > булмас, **اولور** улур “будет” > булыр, **اولسون** улсун “станет” > булсын; **کوررز** күррез “мы увидим” > күрербез;

3) в следующих словах губно-зубной [в] употребляется вместо современного татарского губно-губного [б]: **وار** вар “есть”, “имеется” > бар, **ویردی** вирде “отдал” > бирде; **ویرور** вирьр “отдаст” > бирер;

4) в начальной позиции переднеязычный, звонкий, придувной согласный [ж] заменяется палатальным среднеязычным сонантом [й]: **یرده** йирдә “на земле” > жирдә, **یدی** йиде “семь” > жиде, **یمشلری** йимешләре “их плоды” > жимешләре, **ییتشهچک** йитешәжәк “достигнет” > житешәчәк, **یتمش سنه** “семьдесят лет” > житмеш;

5) как и во многих огузских языках, звонкий согласный [г] не употребляется в аффиксах причастия прошедшего времени на -ган. Такая особенность характерна и для слов **йалан** “ложь” > йалган, **يازан** “написал” > йазган, **билэн** “знал” > белгән;

б) в текстах нормативное фонетическое оглушение конца слова не наблюдается:

а) в корне арабо-персидских слов: **مکتب** мәктәб “школа” > мәктәп, **کتاب** китаб “книга” > китап, **ادب** әдәб “мораль” > әдәп, **سبب** сәбәб “причина” > сәбәп, **مقصد** мақсад “цель” > максат, **شاهد** шаһид “свидетель”, > шәһит, **امید** умид “надежда” > өмет, **شاید** шайәд “вероятно” > шаять;

б) в аффиксах отрицательной формы причастия на -р: **کورمز** күрмәз “не увидит” > күрмәс, **يازماз** йазмаз “не напишет” > йазмас, **бетمز** бетмәз “нескончаемый” > бетмәс, **تویماز** туймаз “ненасытный” > туймас.

Анализ гласных фонем свидетельствует о том, что в языке исследуемых произведений соблюдается гармония гласных:

а) на наличие небной гармонии указывает употребление букв **ط, ص, ق** в словах с заднерядными гласными: **آغر** ағыр “тяжелый”, **طوغریسی** туғырысы “еще прямее”, **آچیق** ачык “открытый”, **توقز** туқыз “девять”, **طوغری** туғыры “прямой”, **قوری** қоры “сухой”, **صاقلاماق** сақламақ “хранить”;

б) с гласными переднего ряда употреблению небной гармонии служат буквы **ك, د, ت**: **كبی** кеби “как”, **تورکی** төрки “тюркский”, **دیمش** димеш “сказал”, **دگل** дәгел “нет”; **كوبدر** күбдер “много”, **اسکی** иске “старый”;

в) губная гармония, близкая к татарскому литературному языку, отражается в написании следующих тюрко-татарских слов: **بوتون** бөтөн “весь”, **بویوک** бөйөк “большой”. Однако автор произведений придерживается древнетюркской традиции: **بولوک** бүлүк “часть”, **بوگون** бүгүн “сегодня”, **چوروک** чүрүк “гнилой”, **تولقون** тулкун “волна”, **قورقو** қурқу “боязнь”.

В отличие от татарского литературного языка, в исследуемых текстах согласные, следующие после корня, не подвергаются закону ассимиляции. В текстах произведений преобладает уйгурская традиция письма, где после

глухих согласных следуют окончания с начальным звонким согласным. Эта особенность наблюдается в присоединении следующих аффиксов:

а) прошедшего категорического времени: **آرتدی** артды “увеличился”, **او چ دی** очды “взлетел”, **ی چید** чыкды “он вышел”, **ایتدی** итде “сделал”, **توتدی** тотды “поймал”, **یوتدی** йотды “проглотил”;

б) исходного падежа: **اوزاقدن** озақдан “издавна”, **ارتدن** артдан “сзади”, **چ یتدن** читдэн “снаружи”, **قوللانمقدن** кулланмақдан “от использования”, **سوزندن** сүзендэн “от его слов”;

в) местно-временного падежа: **یورتده** йортда “в здании”, **دولتده** дәүләтдә “в государстве”, **ملتده** милләтдә “в нации”, **هر وقت ده** һәр вақытда “в каждое время”, **مطبوعاتده** матбугатда “в прессе”.

После основ, оканчивающихся носовыми [м], [н], согласные, следующие в окончаниях множественного числа, также не ассимилируются:

اوبقونلر убқунлар “пропасти”, **معلملر** меғаллимләр “преподаватели”, **رومانلر** романлар “романы”, **حکملر** хөкемләр “постановления”, **خاتونلار** хатунлар “женщины”, **اماملر** имамлар “имамы”.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что для фонетических особенностей языка произведений Мусы Бигиева характерно сохранение и продолжение огузско-турецких, тюрко-татарских и арабо-персидских традиций.

В третьей главе «Морфологические особенности» исследуется морфологический строй языка произведений Мусы Бигиева, анализируются именные части речи, личные и неличные формы глагола, а также служебные части речи.

Для частей речи, употребляемых в произведениях Мусы Бигиева, характерны такие же грамматические категории, как и в современном татарском литературном языке:

Как и в современном татарском литературном языке, **имена существительные** характеризуются категориями принадлежности, падежа, числа и сказуемости.

Категория принадлежности. При синтетическом, аналитическом, аналитико-синтетическом способах выражения значения принадлежности предмета лицу или другому предмету используются аффиксы, характерные как для кипчакских, так и огузских языков.

Категория принадлежности оформляется следующими аффиксами:

Ед ч.

Мн. ч.

1 лицо -м, -ым/-ем

1 лицо -ымыз/-емез; -мыз/-мез

2 лицо -ң, -ың/-ең

2 лицо не зафиксирован

3 лицо -ы/-е; -сы/-се

3 лицо -лары/-ләре

1) выражение значения принадлежности в 1, 2 и 3 лице обоих чисел при синтетическом способе: **фикерем** «моя мысль», **сүзем** «мое слово», **борһанларым** «мои доказательства» (Р.и.б.34), **иманым** «моя вера» (Р.и.б.62), **гарызым** «мое предложение» (Р.и.б.79), **куәтемез** «наша сила» (Р.и.б.6), **лисанымыз** «наш язык» (Х.н.б.м.84), **максадымыза** «нашей цели» (Р.и.б.53), **хәлләремезә** «нашим состояниям» (Х.н.б.м.43), **малың** «твое

имущество», (Р.и.б.23), **каның** «твоя кровь», **жаның** «твоя душа» (Ш.э.17), **китабы** «его книга», **лисаны** «его язык» (Р.и.б.95), баласыны «ее ребенка», **калеблэре** «их сердца», **ривайэтлэре** «их легенды» **ижтиһадлары** «их усердия» (Х.н.б.м.6);

2) выражение значения принадлежности в 1 лице обоих чисел аналитическим способом: **бәнем** каләм «мое перо», **безем** әһле калям «наши люди пера», **безем** хисаб «наше исчисление»;

3) выражение значения принадлежности в 1, 2 и 3 лице обоих чисел при аналитико-синтетическом способе: **бәнем нэзарымда** «на мой взгляд» (Х.н.б.м.2), **бәнем фикерем, нэзарым** «моя мысль, взгляд» (Р.и.б.66), **бәнем бер сүзем** вар «у меня есть одно слово» (Р.и.б.20), ...**безем вөжүдемез дә, безем хәйатемез дә, безем тагатыләремез...** (Р.и.б.30-31) («...наше существование, наша жизнь и наше поклонение...»), **сәнен вазыйфаң** «твоя обязанность», ...**сезең** биң **сәнәңез** кеби... (Х.н.б.м.47) («...как ваши тысяча лет...»), ...**анларың хәтерләре...** («...их воспоминания...») (Р.и.б.78) »).

Идея принадлежности одного предмета или лица другому предмету или лицу может выражаться не только личным местоимением III лица в притяжательном падеже «анларың» «их», но и конструкцией имени существительного в притяжательном падеже: **Төрөкләрең** йаңа әдәби **эсәрләрендә** лисан әксәрийәт илә хата һәм зәгыйфь улур (Х.н.б.м.22) «В большинстве новых литературных произведений турков имеются ошибки и недостатки»).

Категория падежа. Синтаксическая связь предложений осуществляется традиционными падежными формами, характерными для всех тюркских языков. В исследуемых текстах она носит смешанный характер. Здесь переплелись два типа падежного склонения тюркских языков - кипчакский и огузский. Наряду с аффиксами **-ның/-нең** притяжательного падежа, **-ны/-не** винительного падежа, **-дан/-дән** исходного и **-да/-дә** местно-временного падежей употребляются также и их огузские варианты притяжательного **-ың/-ең** (әдибләремезең «наших писателей», милләтләремезең «наших наций», заманың «времени», мәсьәләләрең «примеров», нәхүемезең «нашего синтаксиса»), направительного **-(й)а/-(й)ә** (уртайа «в середину», мәйдана «на арену», мөхәррирләрә «редакторам», хакаикы **мотлакайа** (Р.и.б.41) («Абсолютной истине»), Рәхмәте **гомумийәйә** (Р.и.б.49) («К всеобщей милости») и винительного **-(й)ы/-(й)е** падежей: (дөңйайы «мир», бәйете «стихотворение», мәсьәләйе «пример», тәфсиремезе «нашего толкования»). Йолдызларың һәммәсе йалңыз бер сәмави дөңйайы тәшкил идәр (Ш.э.26) («Все созвездия состоят только из одного небесного мира»). В исследуемых текстах они распространены не равномерно.

Категория числа. В исследуемых произведениях категория числа представлена формами единственного и множественного числа. Как и в современном татарском литературном языке, единственное число морфологического показателя не имеет, т.е. существительное выступает в нулевой форме и обычно указывает на единичность предмета.

Единственное число: Дин инсанларда табигый, фитрый бер халэтдер (Р.и.б.8) («Религия в людях – природное и естественное состояние»). Инсан ахвале мәдәнийәсендә шөбһә йук, табигый сурәтдә тәрәккый идә килмешдер (Р.и.б.8) («Человек культурный, без сомнения, естественным образом продвигался вперед»).

Множественное число имен существительных, в том числе оканчивающихся на носовые согласные, образуется при помощи аффиксов **-лар/-ләр**. Данная тенденция, вероятнее всего, объясняется продолжением влияния орфографических традиций: убкунлар «пропасти», хатунлар «женщины», угыллар «сыновья», затлар «личности», имамлар «имамы», мөгаллимләр «учителя», хөкемләр «постановления». ...малың, каның гыйсмәтенә даир **бәйанлар** (Ш.ә.17) («...доказательства о неприкосновенности твоего имущества и крови»).

Категория сказуемости. Категория сказуемости в текстах произведений выражается аффиксами сказуемости III лица **-дыр/-дер** и древнетюркским глаголом **торур** и **торыр**: У мәсьәләләрең бере лисанымыз мәсьәләседер (Х.н.б.м.4). («Один из тех вопросов – вопрос нашего языка»). Намус, игътибар инсанларың иң кыйммәтле **кәрамәтләредер** (Ш.ә.20) («Честь и достоинство – самые ценные качества человека») ...бия тәваккыф тәрәккый идәр торур (Р.и.б.6). (...без остановки будет двигаться вперед).

Имя прилагательное. Наиболее продуктивными из богатого спектра словообразовательных аффиксов прилагательных являются **-лы/-ле** и **-сыз/-сез** и менее продуктивными **-ык/-ек**: **әсаслы** «основной» (Р.и.б.75), **татлы** «сладкий» (Ш.ә.25), **хаклы** «справедливый» (Р.и.б.89), **эшсез** «безработный» (Х.н.б.м.12), **чарасыз** «вынужденный» (Р.и.б.13), **әсассыз** «безосновательный» (Р.и.б.4), **нәтижәсез** «безрезультатный» (Х.н.б.м.37), **актык** «последний» (Х.н.б.м.32), **бозык** «испорченный» (Х.н.б.м.29).

Большинство прилагательных в текстах являются качественными и употребляются в положительной степени: **йәш** «молодой», **карт** «старый», **саф** «чистый», **агыр** «тяжелый» и т. д.

Превосходная степень прилагательных образуется:

1) с помощью препозитивных частиц **иң** «самый», **гайәт** «очень»: ...**иң бөйөк** дәлилләре... (Р.и.б.34). («...самые сильные доказательства...»);

2) с помощью редупликации, т.е. повторения одной и той же основы: **гүзәл-гүзәл** «прекрасный-наипрекраснейший», **уфак-бөйөк** «мало-помалу»: ...**гүзәл-гүзәл** дәрәсләр... (Х.н.б.м.48) («...наипрекраснейшие уроки...»). ...**уфак-бөйөк** китаблардан... (Р.и.б.40) («...из больших и наибольших книг...»).

Имя числительное. Для текстов произведений Мусы Бигиева, в основном, характерно употребление общетюркских числительных.

Количественные числительные **бер** «один», **ике** «два», **өч** «три», **дүрт** «четыре», **биш** «пять», **алты** «шесть», **йиде** «семь», **сикез** «восемь», **тукыз** «девять», **кырык** «сорок», **йөз** «сто», **биң** «тысяча», **миллион**, **милйард** «миллиард».

П о р я д к о в ы е числительные образуются от основы количественных с помощью аффикса **-ынчы/-енче; -нчы/-нче**: Казанда **беренче** гимназийэдә... (Х.н.б.м.6) («В Казани в первой гимназии...») ...**өченче** борханамызы... (Р.и.б.53) («...наше третье доказательство...»).

Приблизительные числительные образуются несколькими способами:

1) при помощи сочетания двух количественных числительных: ...**берике** сүз... (Х.н.б.м.15) («...несколько слов...»);

2) с помощью составного аффикса **-ларча/-ләрчә (-ларжа/-ләржә)** от основ количественных числительных: ...**йөзләржә, биңләржә**... (Х.н.б.м.32) («...сотни, тысячи...»).

Местоимение. В исследуемых нами текстах наряду с местоимениями, характерными для современного татарского языка, активно используются также и местоимения огузско-турецкого происхождения, которые представлены следующими разрядами: **личные** (**бән** «я», **сән** «ты», **сез** «вы»), **притяжательные** (**бәнем** «мой», **сәнең** «твой», **безем** «наш»), **указательные** (**шу** «этот», **у** «тот», **буйлә, шуйлә, уйлә** «так», «такой»), **неопределительные** (**беркач** «несколько»), **возвратные** (**кәндү** «сам», «свой»), **вопросительные** (**нә** «что», **нәрсәйә** «зачем», **нәрәйә** «куда», **нәрәдән** «откуда») и т.д.

Наречие. В текстах произведений употребляются общетюркские наречия, характерные как для кыпчакских, так и огузских языков, которые по своим лексико-грамматическим значениям делятся на определительные и обстоятельственные.

О п р е д е л и т е л ь н ы е н а р е ч и я, в свою очередь, распадаются на два разряда – наречия образа действия и наречия меры и степени:

1) наречия образа действия: **тиз** «быстро», **йаваш** «медленно», «тихо»;

2) наречия меры и степени: **аз** «мало», **бераз** «немного», **озак** «долго», **байтак** «довольно много», **чок** «очень много», **аз-чок** «много-мало», **күб** «много», **дәһа** «еще».

О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е н а р е ч и я подразделяются на две группы:

1) наречия места: **йакын** «близко», **түбән** «вниз»;

2) наречия времени: **кичә** «вчера», **бүгүн** «сегодня», **шимди** «теперь», «сейчас», **йарын** «завтра», **сонра** «потом», «затем», **мәңгү** «вечно».

Глагол в данной диссертации рассмотрен с точки зрения категорий лица, числа, наклонения, а также временных форм. В исследуемых нами произведениях Мусы Бигиева личные формы глагола встречаются в изъявительном, повелительном, желательном, условном наклонениях, а неличные формы – это причастия, деепричастия, имя действия, инфинитив.

Изъявительное наклонение-индикатив представлено всеми временными формами.

Н а с т о я щ е е в р е м я на **-йор; -р; -макда; -а торур**.

Форма на -йор выражает действие, которое началось до момента речи и продолжается в настоящем. Кроме того, данная форма в условиях контекста может обозначать действие, совпадающее с моментом речи:

Иманым бундан иба **идийор** (Р.и.б.62) («Моя вера отходит от этого»). Гакыл бәлясындан шикайэт **идийор** (Р.и.б.96) («Жалуется от беспечности разума»).

Форма на -р. Парадигматическим значением данной формы является выражение действия, обычное, постоянное, осложненное оттенками длительности, многократности, закономерное по своей природе: Бән уйлә бер шәрәф илә дөһиядан **канәгать идәрәм** (Р.и.б.27) («Я с почетом удовлетворен миром»).

Форма на -макда выражает длительное действие, происходящее в плоскости настоящего времени: Дәһшәтле тулунлар арасында мәгълүм дәгел йуллардан, йат илләрә караб **сөрөлмәкдә**, хараб идәр убкунлар агызына ихтыйарсыз **тартылмакда** (Х.н.б.м.15) («По страшным волнам, по неизвестным путям, посмотрев на чужие страны, невольно приобщаешься к пагубному разрушению (безнравственности»).

Форма на -а торур обозначает констатацию совершаемого действия, неограниченного временными рамками. Эта форма встречается лишь в I лице: У мәктәпләрдә... урада булына билүр һәммә хажәтләремезе **ала торур** исәк, безем истикъбалемез һәр жәһәт илә тәмин кылынмыш улур (Х.н.б.м.76) («В тех школах, если сможем взять все необходимое, то наше будущее будет обеспечено всесторонне»);

П р о ш е д ш е е в р е м я индикатива в структурном плане распадается на синтетические **-ды; -мыш** и аналитические конструкции **-йор иде; -р иде; -мыш иде; -ачак иде**.

Форма на -ды. Парадигматическим значением данной формы является выражение совершенного незадолго до момента речи действия, в объективности которого говорящий не сомневается: «Исламийәтдә кадәр» намында бер рисалә **йаздым** (Х.н.б.м.63) («Я написал одну брошюру под названием «Предопределение в исламе»). Һәрбер мохаләфәтеме борһан илә **күстәрдем** (Х.н.б.м.42) («Каждое мое противоречие я доказал»).

Форма на -мыш. Парадигматическим значением данной формы является обозначение прошедшего результативного действия, контактного с моментом речи: ...сарыф, нәхү кагыйдәләрене дә бәйан **итмеш** (Х.н.б.м.6) («...изложил правила морфологии и синтаксиса). Мәснәвидә Мәүлана Жәләл Руми хәзрәтләре **димеш** (Ш.ә.34) («В стихотворении наш учитель Джалал Руми сказал...»)

Форма на -йор иде. Основным содержанием этой формы является значение незавершенности, незаконченности, длительности совершенного в прошлом очевидного действия, не приуроченного к определенному отрезку: Бәнем фикеремжә, у кадәр муафыйк **килмәйор иде** (Р.и.б.11) («По-моему, настолько не соответствовало»). Йәгъни исламийәт дигәр милләтләрең һичберенә кальбән дә фигълән дә **тәхкыйрь итмәйор иде** (Р.и.б.22) («То есть, ислам и сердцем, и фактически, на деле, не пренебрегал ни одним народом»).

Форма на -р иде. Основным содержанием прошедшего времени на **-р иде** является идея незаконченности действия, т. е. она обозначает обычные, систематически повторяющиеся в прошлом действия, в большинстве случаев

превратившиеся в свойства лица или предмета: Ижтиһад **идәр идем** (Р.и.б.27) («Я усердствовал»). Жәлеб **идәр идем** (Ш.ә.35) «Я привлекал».

Форма на -мыш иде. Парадигматическим значением данной формы является выражение относительного времени, т.е. обозначение прошедшего действия, которое предшествовало другому прошедшему действию: «Гакылдан бәлә» мәкалене **чыкармышлар иде** (Р.и.б.95) («Они выпустили статью под названием «Бедствие разума»). ... анам агызындан шу бәйетләре **йадламыш идем** (Х.н.б.м.12) («...из уст моей матери я выучил эти бейты (стихотворения)»).

Форма на -ачак иде. Данная форма выражает значение будущего категорического действия, перенесенного в план прошлого: Гүзәл иде, йәнә гүзәл **улачак иде** («Прекрасно, но вновь было бы еще лучше»). ...динләре биля тәгассыб бәйан итмәге **илтизам идәжәк идем** (Р.и.б.40) («...принял на себя обязательства беспристрастного изложения»).

Б у д у щ е е в р е м я на **-р; -ачак// -акак.**

Форма на -р. Будущее неопределенное время на **-р** выражает значение действия, ожидаемого в будущем, с модальным оттенком предположительности: Русийә мәселманларының да истикъбалләренә өмид күзе илә **бакарым** (Х.н.б.м.77) («Посмотрю с надеждой на будущее российских мусульман»). Сәни тәкфир **идәрләр** (Р.и.б.39) («Тебя обвинят в ереси»).

Форма на -ачак// -ажак. Основным значением этой формы является обозначение ожидаемого действия с оттенком категорического утверждения: Хәйате әбәдийәсендә дә инсан, әлбәттә инсан улуб **калачакдыр** (Ш.ә.33) («И в вечной жизни человек, конечно же, останется человеком»). Романларың да гүзәлләре, йәгъни әхляк һәм хиссийәте тәрбийә идә **биләжәкләре** бәлки вардыр (Х.н.б.м.31) («Может быть, есть такие прекрасные романы, которые умеют воспитывать нравственные качества»).

В текстах произведений формы на **-р, -а торур, -ды, -р иде** являются общетюркскими формами. Для огузских языков характерны формы на **-йор, -макда, -мыш, -йор иде** и **-мыш иде**. В XIX веке в результате огузско-турского языкового влияния в старотатарский литературный язык проникают формы на **-макда, -йор иде, -ачак// -ажак** и **-ачак иде**. Вероятнее всего, формы на **-йор, -р, -а торур, -р иде** и **-мыш иде** развиваются ранее и проникают в старотатарский литературный язык, начиная с древнетюркских письменных памятников и кончая литературными произведениями писателей-просветителей конца XIX – начала XX вв.

Повелительное наклонение II лица единственного числа не имеет специальных морфологических показателей.

II лицо множественного числа имеет показатели **-ыңыз, -еңез**, выражает значение приказания, повеления, обращенное к одному или нескольким лицам: **Укуңыз** (Х.н.б.м.17) («Читайте»). **Сөйләңез** (Х.н.б.м.18) («Говорите»).

III лицо единственного числа образуется при помощи аффикса **-сын/-сун, -сүн** и выражает значение побуждения: ...мөкаддәмә кеби **улсун**

(Р.и.б.86) («...пусть будет предисловием...»). **Сөйләрсен** (Р.и.б.91) («Расскажешь»).

III лицо множественного числа в форме **-сунлар, -сүнләр** выражает побуждение со значением желания, разрешения или позволения совершить действие: ...мөрәжәгать **итсүнләр** (Р.и.б.58) («...пусть обратятся»). ...дәгъват **итсүнләр** (Р.и.б.20) («...пусть пригласят»).

Все представленные формы повелительного наклонения являются общетюркскими показателями.

Желательное наклонение оформляется с помощью огузско-турецких форм на **-айым, -әйем, -әлем** в I лице единственного и **-айык, -әйек** в I лице множественного числа, характерного как для кыпчакских, так и огузских языков, которые являются продолжением древнетюркских и старотатарских письменных традиций.

Форма на -айым, -әйем I лица единственного числа выражает следующие значения:

1) желание, побуждение говорящего: ...тарихың шәһадәте илә **исбат идәйем** (Х.н.б.м.33) («...я докажу свидетельством истории»). ...шу бәйетләре **иншад идәйем** (Р.и.б.37) («...я продекламирую свои бейты (двустихья)»);

2) намерение, решимость говорящего совершить действие в ближайшем будущем: ...борһанларымы берәр-берәр **гарыз идәйем** (Р.и.б.44-45) («...я представлю по порядку мои доказательства»). Жәсәрәт илә иман лисаны илә **сөйләйем** (Ш.һ.5) («Смело расскажу языком веры»).

Форма на -әлем I лица единственного числа используется автором для выражения своего желания что-либо сделать: Мәһәбләрең һәрбере **дийәлем** тәмам гүзәлдер (Ш.ә.69) («Скажу, что мазхабы (богословско-правовые школы) в целом прекрасны»). **Инсаф идәлем!** Күңелемездә беркадәр генә иман калмыш исә, үземезе дә, милләтемезе дә алдамакдан беркадәр **хәйа идәлем** инде! (Р.и.б.85) («Буду справедливым! Я стыжусь обманывать наш народ и нас самих, потому что в наших сердцах осталась хоть какая-то вера»).

Форма I лица множественного числа оформляется при помощи присоединения аффиксов **-айык, -әйек** к основе глагола со значением совершения совместного действия: ...беркадәр **мөляхәзә кылайык** (Р.и.б.9) («...рассмотрим несколько внимательнее...»). Шу мәсьәләи хәл итмәк касды илә бәлягәте тәгъриф һәм **тәхлил идәйек** (Х.н.б.м.81) («С целью решения этой проблемы мы ознакомим и проанализируем все красноречиво»).

Условное наклонение в исследуемых нами произведениях обозначает потенциальное действие, служащее условием совершения действия, выраженного другим глаголом, представленного общетюркским показателем на **-са**: Киләжәк сәнәдә мәдрәсә вакыйфийәсендә үзең ичүн бер тәмин хәзерләмәк йулында **хәрәкәт итсән** йахшы улур иде», - мәгънәсендә улан сүзләре сөйләделәр, йаздылар (Р.и.б.39) («В будущем году было бы хорошо, если бы для подготовки фонда медресе ты двигался по этому пути», - говорили и писали сторонники этих слов»). Ләкин сабыр итә **билсәнәз** дәһа гүзәл (Ш.ә.45) («Но если сможете терпеть, будет еще лучше»).

Из неличных форм глагола активно употребляются причастие, деепричастие, имя действия и инфинитив.

Причастия. В исследуемых текстах **причастия** представлены следующими временными формами: 1) причастие прошедшего времени на **-ан /-йан, -мыш, -дык**; 2) причастие настоящего времени на **-учы**; 3) причастие будущего времени на **-р, -ачак//-ажак**.

Причастия прошедшего времени.

Форма на -ан/-йан обозначает процессуальный признак предмета, лица или явления в плане прошедшего времени: Зирэ «фетнэи» уртайа **атан** бэнем (Р.и.б.86) («Ибо причиной, вызвавшей смуту, был я»). Инсаның сәгадәте ичүн лязем **улан** күнел рахәте йалңыз шу иман бер кәсе илә тәэмин кылыну (Х.н.б.м.51) («Для счастья человека является необходимым спокойствие сердца, которое обеспечивается только верой »).

Отрицательная форма на **-ан/-йан** образуется при помощи аффикса глагольного отрицания **-ма; -мә: ...тэхәммел итмәйән** әһле кәлям (Р.и.б.60) («..нетерпеливые приверженцы калама (диспута).»). Иичбер вакыт канәгать итдерүр кадәр мәгълүмат **вирмәйән** көтөбе кәлямийә...(Р.и.б.13) («...книги калама никогда не могли дать достаточно убедительную информацию»).

Форма на **-ан/-йан** может субстантивироваться и принимать аффиксы числа и падежа. Субстантивированное причастие на **-ан/-йан** чаще всего встречается в направительном падеже и обозначает косвенный объект другого действия и может принимать аффиксы множественного числа: **Иттика идәнләрэ, зәкят вирәнләрэ, мәэминләрэ** вөжүбән Ходай рәхмәт идәр...(Р.и.б.47) («Покорным, выплачивающим милостыню, верующим, Создатель окажет милосердие»).

Форма на -мыш обозначает признак предмета, лица или явления по действию в плане прошедшего времени: Шу көн «әдәбийат» исеме **вирелмеш** китабларың лисанларындан да, мәсләкләрендән дә, рухларындан да бән разый дәгелем (Х.н.б.м.14) («На сегодняшний день я недоволен книгами, названными литературой, их языком, принципами и убеждениями»). ...шу дәфга әһәмиет **вирмәдегем** кеби бундан соң да әһәмиет вирәмәм... (Р.и.б.93) («...как и сейчас, я и впредь тоже не буду обращать внимания ...»);

Форма на -дык, характерная для огузской группы тюркских языков, обозначает процессуальный признак предмета или лица по наличному результату в плане прошедшего времени. Она близка по значению к причастию на **-ган**. Форма на **-дык** часто субстантивируется и употребляется с показателями принадлежности и падежа:

а) форма на **-дык** с показателями принадлежности, сочетаясь с послелогом **ичүн** «за», «из-за», передает действие, которое служит причиной совершения и выполнения другого действия, выраженного личной формой глагола: Бәңә тәнәззеля рух **вирдекләре ичүн**, шу мөхтәрәм рәфикъләремә шөкерләремә тәкъдим идәрем (Р.и.б.74) («Мне за снисходительность мои уважаемые друзья выражают благодарность»);

б) форма на **-дык**, принимая аффиксы принадлежности и направительного падежа, в сочетании с послелогом **күрә** «из-за» выражает причинно-следственные отношения: ...галәме инсанийәтнең хәйате истикьбалийәсенә әсас ула билүр бер хакыйкәте аслийә, әүвәлийә **улдыгына күрә** исламийәт рухына иң муафыйк улан шу нәзарийә...(Р.и.б.11) («...этот взгляд, так соответствующий духу ислама, является истиной, способной стать фундаментальной основой будущей жизни человечества...»);

в) форма на **-дык** в исходном падеже, сочетаясь с послелогом **сон** «после», выражает действие, после которого происходит другое действие, выраженное личной формой глагола: Иман **итдекләрендән сон**, без анлардан газабы кәшеф итдек (Х.н.б.м.61) («После того, как они уверовали, мы не наказали их»).

Причастие настоящего времени. В исследуемых произведениях представлена лишь в единичных примерах форма на **-учы**: һәммә милләтләрен рәсүлләрене, нәбиләрене, шәригатьләрене **тасдыйк итүче** Коръән кәрим...(Ш.ә.37) («Коран подтверждает законоположения всех народов, пророков и посланников...»). Дөрест лисанда иң гүзәл жәһәт – лисаның самигъларына, **укучыларына** мәфһүмлегедер (Х.н.б.м.22) («Правильно, в языке самая прекрасная сторона – это постижение смысла слушающими и читающими»).

Как правило, причастие настоящего времени, утратив свои глагольные свойства, полностью переходит в разряд имен существительных: «**Йазучы**», йазар, йазан» васыфлары арасында көлли фәрекъ вардыр, беренең мәгънәсене дигәре ифадә идәмәз (Х.н.б.м.12) («В словах «писатель», «напишет», «написавший» есть полное отличие: смысл одного другое не разъяснит»).

Причастие будущего времени

Форма на -р. Данная форма выражает динамический признак как его постоянное свойство. Причем это значение сопровождается модальными оттенками возможности или потенциальной способности субъекта к совершению действия: Хажәт йук икән, йат сүзләре алмак, зарурәт **булыну**р икән, йат сүзләрдән сакынмак һәрбере тәкәллефдер (Р.и.б.40) («Даже когда нет потребности заимствовать иноязычные слова, если будет крайне необходимо, то воздерживаться от иностранных слов является нецелесообразным»).

Форма на -ачак// -ажак. В текстах произведений фонетический вариант причастия на **-ачак**, как и **-ажак**, не носит смыслового оттенка. Данная форма выражает признак, свойство предмета или лица по действию, осуществление которого в будущем не подвергается сомнению: Хәдис имамларының бөйөк һиммәтләре илә шәригать хөкемләренә мәһәб кулларына әсас ула **биләчәк** хәдисләр мәүзүгъ хәдисләрдән тәмам пакъланды (Ш.ә.62) («Усердиями великих ученых-хадисоведов, шариатскими постановлениями, стараниями богословско-правовых школ основные хадисы полностью очистились от вымышленных хадисов»). ...милләтең тәрәккыйәте йулында лязем **улажак** гамәлләрен һәммәсе хазер улур (Х.н.б.м.69) («...на пути продвижения народа все будет готово»).

Из представленных форм, специфических для огузских языков, причастия на **-ачак**, **-ан/-йан**, **-мыш**, **-дык** в исследуемых текстах являются наиболее употребляемыми формами и проникновение данных форм в старотатарский литературный язык, вероятно, обусловлено османо-турецким языковым влиянием в XIX веке.

Деепричастие. В исследуемых нами произведениях употребляются формы на **-уб**, **(-майуб)**, **-арак**, **-дыкча// -дыкжа**, которые являются характерными для огузской группы тюркских языков.

Форма на -уб выражает действие, предшествующее основному действию или одновременное с ним: Без хәрәкәтемезе мөбарәк бисмилләсе илә иң әсасдан гүзәл сурәтдә ибтида **кылуб**, һәр нә кадәр акрынлык илә исә дә, тугъры йулдан хәрәкәт итдек (Х.н.б.м.71) («Начав с благословения Бога наше движение с самого начала, мы медленно продвигались по прямому пути») Шу кадәр вазыйх бер хакыйкатдә сүзе **узатмайуб** имамы философ Әбүл-Галә хәзрәтләренәң «әл-Лөзүмийәт»ендә зикер улынмыш ике бәйете бурада бер мөнәсәбәт илә нәкыл идаём (Р.и.б.30) («В такой последовательности, не растягивая слова, переведу здесь два двустихия, упомянутые в произведении мусульманского философа Абу Галя «ал-Люзумият»).

Форма на -арак указывает на образ совершения основного действия: У мөкаддәс мөсхәфләрдән нөсхә **кылынарак** хисабы йук мәсахиф йазылуб, әүвәлге гасырда мәсжидләрен һәрбере, ханәләрен әксәре мөкаддәс мөсхәфләр илә тәзийин кылынды (Х.н.б.м.86) («Копии с этих бесчисленных священных списков, написанных в прежние века, украсили каждую мечеть и большинство домов»).

Форма на -дыкча// -дыкжа. Фонетические варианты деепричастия на **-дыкча**, как и **-дыкжа**, не несут семантической нагрузки. Деепричастие на **-дыкжа** обозначает длительное действие, происходящее одновременно с действием, выраженным личной формой глагола: ...мәдәнийәт тәрәккый **итдекжә** шәригатәң бәкасе, вафасы йалңыз буның илә улур (Х.н.б.м.45) («...неизменность и тактичность шариата будут развиваться только по мере процветания культуры»). ...инсанларын әхляклары **гүзәлләшдекчә**, әхвалә ижтимагыйә, әлбәттә гүзәлләшәчәк... (Х.н.б.м.65) («...по мере улучшения нравственности, конечно же, и социальное положение улучшится...»).

Имена действия представлены в огузской форме на **-мак**, а также в форме на **-у**, **-ү**, которая считается специфической особенностью кипчакской группы. При этом основной формой имени действия является форма на **-мак**, употребление форм на **-у**, **-ү** носит спорадический характер.

Форма на **-мак** принимает показатель принадлежности некоторых падежей и сказуемого: **Аңланмак** – әдәбиләкдә иң мөһим рөкендер (Х.н.б.м.22) («Самая главная основа культуры – приходить к согласию»). ...үземезе дә, милләтемезе дә **алдамакдан** беркадәр хәйа идәлем инде! (Р.и.б.85) («...в некоторой степени стыжусь за введение в заблуждение и нас самих, и всего нашего народа»). ...гафурлыгы, рахимлеге **зикер итмәкдә** бер

мәгънә калмаз иде (Р.и.б.55) («...в упоминании о прощении и милости не осталось бы смысла»).

Имя действия на **-у/-ү**, как и в современном татарском языке, может субстантивироваться и принимать показатели исходного и местно-временного падежей: Сүздән, **йазудан** иң мөһим максад аңлатудыр (Х.н.б.м.27) («Самая важная основа слова и написания – умение объяснять»). Киләжәк заман биналарыны һәм **йазуда**, һәм дә сүздә бән васыф мәгънәләрендә истыгъмалъ идәрем (Х.н.б.м.9-10) («Конструкции будущего времени на письме и в слове я буду применять в атрибутивных значениях»).

Инфинитив реализуется в огузских формах на **-мага (-майа)**, а также в кыпчакской форме на **-ырга**. Инфинитив на **-ырга** отличается своей непродуктивностью: ...һәм дә кадере илаһийә беркадәр бәшәри **карышдырмага** чалышур – бер меҗазат булындыкжа (Х.н.б.м.11) («...а божественное предопределение заставит людей работать под контролем»). ...гафу кылыңыз, әһле кәлямең мәгърурийәт, тарлык әсасларына бина кылынмыш сүзләрене **кабул итмәйә** такатем йукдыр (Р.и.б.62) («...извините, но у меня нет желания принимать слова приверженцев калама, основанные на высокомерии и узости»).

Форма на **-мак** также выражает значение инфинитива в составе конструкций на **-мак+ичүн**, который выражает значение цели, и **-мак+лязем** выражает значение желания, совета, пожелания совершить действие с оттенком необходимости и долженствования: ...жаваб **булмак ичүн**... (Р.и.б.15) («...чтобы найти ответ...»). ...вакыйф **улмак ляземдер** (Р.и.б.) («...нужно дать подробное изложение»).

Большинство вышеперечисленных личных и неличных форм глагола, являясь глаголами огузско-турецкого происхождения, стали одной из отличительных особенностей, которая была присуща татарскому литературному языку конца XIX – начала XX веков. В последующих этапах развития литературного языка эти формы не смогли стать полноправным эволюционным звеном, поэтому были вытеснены из употребления формами, характерными для разговорной речи татарского народа.

Служебные части речи в исследуемых текстах произведений представлены послелогоми, союзами, частицами.

Послелог. Наибольшей активностью отличаются следующие послелог: **илә** «с», «вместе», **кеби** «как», «словно», «подобно», **ичүн** «для», «ради» и т. д.

Среди заимствованных арабских и персидских послелогов реже употребляются **би** (перс.) «не», «без (бес)», **би** (араб.) «с» и **фи** «в»: ...**биззарурә** ихтыяр идәрләр (Р.и.б.78) («...поневоле выберут») ...бән **билкәллийә** гаҗизем (Х.н.б.м.53) («...я бессилен»). ...«әл-Икътисад **фил-игътикад**» (Р.и.б.14) («Умеренность в веровании»).

Союзы по языковому происхождению подразделяются на 3 группы: тюрко-татарские **йәнә**, персидские **һәм** «и», **әгәр** «если», **гүйа** «как», «как будто», «словно», арабские **ләкин** «но», **эмма** «но», «однако», **йәгъни** «то есть».

В текстах произведений все представленные частицы – тюрко-татарские: **логико-смысловые:** -гына/-генә «только», «лишь», исә «лишь только», «как только», «же»; **модальные:** дәгел «не» и нә «ни», -мы/-ме, -дыр/-дер; **экспрессивно-эмоциональные:** иң «самый», инде и -да/-дә.

Исходя из всего вышеизложенного следует, что произведения ученого-богослова Мусы Джаруллаха Бигиева написаны на классическом старотатарском литературном языке с преобладающим арабо-персидским пластом, а также с употреблением традиционных тюрко-татарских и джадидо-османских письменных вариантов.

Заключение содержит краткие выводы исследования.

1. Исследования графо-фонетических особенностей произведений показали, что для передачи гласных применялись четыре буквы: ا, ە, ۆ, ى. Анализ графических особенностей позволил выявить и вариативные написания. В исследуемых произведениях больше всего используется арабо-персидская традиция письма, а также традиционные тюркские элементы.

2. Фонетические особенности в произведениях Мусы Бигиева наиболее полно отражают фонетическую систему татарского литературного языка конца XIX – начала XX веков. Проведенное фонетическое исследование позволяет утверждать, что сохранены и продолжены огузско-турецкие, тюрко-татарские и арабо-персидские традиции.

Фонетическая система текстов произведений характеризуется сохранением небной гармонии, в текстах она действует также регулярно, как и в современном татарском литературном языке. Случаи нарушения губной гармонии подтверждает близость к современному татарскому языку, в то же время сохранение губной гармонии указывает и на традиционную общетюркскую систему письма. В отличие от татарского литературного письма, в произведениях Мусы Бигиева согласные, следующие после корня, не подвергаются закону ассимиляции. В текстах преобладает уйгурская традиция письма, где после глухих согласных следуют окончания с начальным звонким согласным.

3. Анализ грамматических особенностей произведений Мусы Бигиева дает возможность утверждать, что грамматический строй, нашедший отражение в языке исследуемых произведений, обнаруживает большое сходство с современным татарским литературным языком. Кипчакские и огузские элементы употребляются параллельно, однако активизация огузских личных форм глагола на -ачак// -ажак, -ачак иде, -йор иде, -макда, неличных форм на -ан/-йан, -мыш, --дык, -арак, -дыкча// -дыкжа являются наиболее употребляемыми формами. Проникновение данных форм в старотатарский литературный язык, вероятнее всего, обусловлено результатом османо-турецкого языкового влияния. По нашему предположению, данные огузо-турецкие черты исторически были привнесены в старотатарский литературный язык искусственно, это было связано, прежде всего, с активизацией культурно-экономических отношений Поволжья с Турцией и ирано-азербайджанским регионом. Эти факторы и явились отличительными особенностями, присущими старотатарскому

литературному языку конца XIX – начала XX веков, в последующих этапах развития литературного языка огузо-турецкие черты не сумели стать полноправным эволюционным звеном, поэтому были вытеснены разговорными формами татарского народа.

Следует также отметить, что в исследуемых произведениях Мусы Бигиева определенное место занимают и заимствованные слова из арабского и персидского языков. Это объясняется характерным историческим развитием татарского языка и широким их употреблением. Часть из них входит в состав современного татарского литературного языка. В произведениях нами были зафиксированы и лексические заимствования из русского и западно-европейских языков, которые уже становятся нормой в то время.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1.Абдулхаков Р. Р. Ученый-богослов Муса Бигиев и язык его произведений / Р. Р. Абдулхаков // Ученые записки КГAVM им. Н. Э. Баумана. – Казань: КГAVM, 2006. – Т.187. – С. 265-272.

2. Абдулхаков Р. Р. Муса Жаруллаһ Бигиевның сәяси һәм иҗтимагый эшчәнлеге (Политическая и общественная деятельность Мусы Джаруллаха Бигиева) /Р. Р. Абдулхаков //Сборник докладов молодежной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки в XXI веке», посвященной 200-летию Казанского государственного университета. – Зеленодольск, 2004. – С. 107-108.

3. Абдулхаков Р. Р. Муса Жаруллаһ Бигиевның дини эшчәнлегенә кайбер шәрехләр (Описание религиозной деятельности Мусы Джаруллаха Бигиева) / Р. Р. Абдулхаков //Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона. – Выпуск 3: Гуманитарные науки в Татарстане. Материалы VII Региональной конференции, Казань: Gumanitarya, 2004. – С. 123-128.

4. Абдулхаков Р. Р. Муса Жаруллаһ Бигиев (Муса Джаруллах Бигиев) / Р. Р. Абдулхаков // Милли мәдәният. – 2005.- № 7. – С. 79-90.

5. Абдулхаков Р. Р. Мәшһүр галим Муса Жаруллаһ Бигиевның тормыш юлы һәм хезмәтләре (Жизнь и творчество известного ученого Мусы Джаруллаха Бигиева) / Р. Р. Абдулхаков // Мәйдан.- 2005. - № 11. – С. 122-128.

6. Абдулхаков Р. Р. Графо-фонетические особенности произведений М. Бигиева / Р. Р. Абдулхаков // Яшь галимнәр карашы («Взгляды молодых ученых»). – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – С. 111-123.

7. Абдулхаков Р. Р. Формы инфинитива в языке произведений Мусы Бигиева / Р. Р. Абдулхаков // Сборник докладов научно-практической конференции «Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук». – Зеленодольск, 2006. – С. 162-164 / 0,1 п.л.